

В Южном государстве, в покоях восточного дворца, где царил холод и беспорядок, на полу валялись обрывки одежды. Они напоминали разорванные цветы, чьи лепестки один за другим отрывали, бросали на землю, втоптали в нечистоты и пыль.

Порыв ветра взметнул лохмотья, колыхнул полог кровати, на котором проступали тени двух людей.

Чу Мухэнь поднялся и сел на край постели. Гу Цзинси лежал, его лоб был покрыт испариной, а в прекрасных глазах стояли слезы. Он лежал на широком ложе и тихо плакал.

В этом подавленном, полном боли и слабых всхлипах слышались обида, борьба, а еще горчинка нежелания смириться и глубокая печаль.

На кровати царил хаос: постельное белье разметалось, черные волосы разметались по краю ложа, а на руках отчетливо виднелись красные следы. Белоснежные запястья лежали на лбу, прикрывая глаза.

Хриплый голос жаловался на боль. Человек, никогда прежде не знавший подобного, не понимал, как унять этот страх и ужас. Он плакал уже долго, горько, но не смел издать ни звука, вызывая лишь жалость.

Сидевший на краю кровати Чу Мухэнь выглядел растерянным. Он коснулся лежащего:

— Довольно, перестань плакать. Наверное, ты просто не привык, со временем привыкнешь.

— ...

Гу Цзинси, чьи глаза были полны слез, протянул к Чу Мухэню руку и, дрожа, произнес:

— Вести о... моем старшем брате. Ты можешь дать их мне сейчас?

Увидев, что Гу Цзинси приподнялся, Чу Мухэнь немного смягчился. Если может встать, значит, еще держится.

Он отвел взгляд, в его голосе зазвучало спокойствие:

— Выпись сегодня как следует. Проснешься — и увидишь.

Гу Цзинси стиснул зубы, отодвинулся назад и крепко вцепился в одеяло:

— Тогда ты можешь уйти?

Заметив это движение, Чу Мухэнь, чьи глаза и без того были полны мрака, опустил их еще ниже:

— Как уснешь, я уйду.

Гу Цзинси закусил губу, его веки мгновенно покраснели:

— ...

Чу Мухэнь с изяществом, застывшим во взгляде, взирал на человека, который лил слезы от обиды. Он поднялся и посмотрел на небо, где уже занимался рассвет:

— Ладно, я уйду сейчас, а вечером навещу тебя снова. Не зови лекаря, сегодня вечером я сам помогу тебе нанести лекарство.

Глаза Гу Цзинси потемнели, он сжал зубы и промолчал.

Чу Мухэнь склонился, ухватил Гу Цзинси за подбородок и пристально посмотрел ему в глаза:

— Слушай внимательно: если позовешь лекаря, я его убью. Поэтому будь послушным, понял?

Гу Цзинси, стиснув зубы и красными от слез глазами, кивнул.

Чу Мухэнь слегка улыбнулся, склонился и коснулся губами алых губ Гу Цзинси. Прильнув к этому теплу, он прошептал:

— Умница.

Закончив, он достал из-за пояса маленький красный флакон, вытряхнул оттуда белую жемчужину-пилюлю и поднес к губам Гу Цзинси:

— Открой рот.

Сидевший на кровати человек помрачнел, еще крепче сжал губы и покачал головой:

— Я... не хочу.

Чу Мухэнь опустил взгляд, затем поднял руку, перехватил подбородок Гу Цзинси и силой втолкнул пилюлю ему в рот.

В тот же миг во рту разлилась сладость. Гу Цзинси замер, глядя на Чу Мухэня глазами, полными слез.

Тот, на кого смотрели эти влажные очи, холодно фыркнул и с усмешкой отстранился:

— Чего плачешь? Это всего лишь конфета. Разве дети, которые любят плакать, не любят сладости?

— Отдам тебе эту сладость, только не смей больше плакать.

Гу Цзинси потрясенно смотрел на Чу Мухэня, стиснув зубы и не говоря ни слова.

<http://bllate.org/book/19559/1918091>